

УДК 94 (470.6)

Ратушняк Олег Валерьевич

кандидат исторических наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений
Кубанского государственного университета
editor@hist-edu.ru

Ratushnyak Oleg Valerievich

PhD in History, Associate Professor of the Department
of Modern, Contemporary History and International
Relations, Kuban State University
editor@hist-edu.ru

**КАЗАЧЕСТВО ЮГО-ВОСТОКА ЕВРОПЕЙСКОЙ
ЧАСТИ РОССИИ В ПЕРВЫЙ ГОД СВОЕЙ
ЭМИГРАЦИИ (1920-1921 гг.)**

**THE COSSACKS OF THE SOUTH-EASTERN
EUROPEAN PART OF RUSSIA
DURING THE FIRST YEAR OF
THEIR EMIGRATION (1920-1921)**

В статье исследуется первый год пребывания казаков в эмиграции. Показаны условия их пребывания за рубежом. Анализируются основные проблемы, стоявшие перед казаками, ушедшими за границу в период гражданской войны.

The article investigates the first year of Cossacks' stay in emigration. The conditions of their stay abroad are shown. The analysis is given to the main problems faced by the Cossacks who went abroad during the Russian Civil War.

Ключевые слова: атаманы, казаки, казачество, Лемнос, Русская армия, Чаталджа (чаталджинские лагеря), эмиграция.

Key words: atamans, Cossacks, the Cossacks Lemnos, Russian Army, Çatalca (Çatalca camps), emigration.

«Перестройка» в СССР и последующее развитие российского общества привели к росту внимания исследователей ко многим ранее запретным темам отечественной историографии. К ним относится в частности и проблема казачьего зарубежья. В последнее десятилетие XX – первое десятилетие XXI в. были защищены несколько диссертаций, и вышло значительное количество публикаций, посвященных различным аспектам пребывания казаков за рубежом. Исследователи акцентировали свое внимание как на отдельных проблемах казачьего зарубежья (общественно-политические искания, культура казачества в эмиграции и др.), так и на отдельных географических направлениях размещения казаков-эмигрантов (Европа, Китай и др.). Исследования посвящались как отдельным казачьим войскам, так и в целом представителям российского казачества за рубежом.

В настоящей статье сделана попытка проанализировать комплекс проблем, стоявших перед казаками-эмигрантами в первый год их пребывания за границей. Это время было, с одной стороны, полно неопределенностью дальнейшей судьбы беженцев, с другой стороны, именно в это время обрисовались все основные проблемы, с которыми пришлось столкнуться казакам за рубежом. В качестве объекта исследования взяты представители казачьих войск Юго-Востока Европейской части России – Донского, Кубанского, Терского и Астраханского. Именно эти войска дали подавляющее большинство казаков, эмигрировавших в Европу и составивших своеобразный костяк казачьего зарубежья.

В основу исследования были положены преимущественно материалы, хранящиеся в Государственном архиве РФ, в составе фондов так называемого Пражского архива.

Одними из первых оказались за рубежом казаки, отступившие в Грузию в мае 1920 г. под натиском частей Красной армии. Это были преимущественно кубанцы, которые в силу разных обстоятельств не были эвакуированы в Крым и сумели избежать сдачи в плен в районе Адлер-Сочи. Впоследствии одни из них перебрались из Грузии в Турцию, Грецию и Балканские государства, другие – в Крым, к генералу Врангелю, а третьи с оружием в руках переходили границу в обратном направлении, чтобы продолжить борьбу с большевиками в составе бело-зеленых отрядов. К лету 1920 г. в Грузии осталось не более 800 казаков.

Тяжелые условия жизни в Грузии способствовали сплочению казаков, которые создали ряд обществ помощи эмигрантам (Кубанское и Терское). Позднее, когда вихрь революции охватил и Грузию, расколов страну на два лагеря, казаки создали здесь Комитеты освобождения Кубани и Терека, впоследствии объединившие усилия в защите своих интересов. Основную свою задачу члены комитетов видели в освобождении территории Кубани и Терека от власти большевиков и в этом они нашли полное понимание и поддержку со стороны меньшевистского правительства Грузии [1].

Защита Грузии от большевистских войск (посланных на помощь, провозглашенной в Шулавергах грузинской советской социалистической республике) воспринималась частью казаков как начальный этап в борьбе за освобождение казачьих территорий. С этой целью был создан Кубан-

ский отряд, состоявший из двух кубанских сотен и отдельного терского взвода. В начале марта 1921 г. в отряде насчитывалось 210 чел., подавляющее большинство которых были выходцы с Кубани [2].

В первой декаде марта Кубанский отряд в составе грузинских войск принял участие в борьбе с наступающими советскими войсками. Однако наступление последних было настолько стремительным, что уже 11 марта 1921 г. члены Комитета освобождения Кубани, находясь в Батуми, и отказавшись от идеи вооруженного похода на Кубань, обсуждали вопрос об эвакуации из Грузии [3]. Во второй половине марта 1921 г. многие казаки были эвакуированы из Грузии. Большинство из них осели первое время в Турции, а затем переехали в Чехословацкую Республику.

Основная масса южнороссийского казачества оказалась в эмиграции в результате крымской эвакуации, которая являлась одним из значительных эпизодов гражданской войны. Всего из Крыма выехало около 50 тыс. казаков [4]. Большинство из них составляли строевые чины Русской армии. Интересен тот факт, что казачьи части были посажены отдельно от остальной массы эмигрантов на нескольких судах, в то время как казаки из числа гражданских беженцев находились в общей беженской массе более чем на 45 судах [5].

Прибывшие из Крыма строевые части были по приказу генерала Врангеля переформированы и сведены в три корпуса: I-й Армейский под командованием генерала А.П. Кутепова, Донской под командованием генерала Ф.Ф. Абрамова и Кубанский под командованием генерала М.А. Фостикова [6]. В Донской корпус помимо донских казачьих частей вошли Терско-Астраханский казачий полк под командованием генерала К.К. Агоева и Зюнгарский калмыцкий полк [7]. По соглашению с французскими властями I-й Армейский корпус разместился в районе Галлиполи (Турция). Донской корпус и часть донских гражданских беженцев – в чаталджинских лагерях, находившихся в 75–100 км от Константинополя: Чилингир, Хадем-Киой, Санджак-Тепе и Кабакджа (Турция), а кубанцы и часть чинов Донского корпуса, в том числе и Атаманское военное училище, расположились на острове Лемнос (Греция).

Самым крупным лагерем в чаталджинском районе был Санджак-Тепе. Основной костяк его населения составляли донские части общей численностью 8 106 чел. Кроме того, в Санджак-Тепе расположились штаб Терско-Астраханской бригады, сводно-осетинский дивизион и сводные полки: астраханский, кубанский и терский. В их рядах числилось около 1,5 тыс. чел. Помимо казаков, в лагере находилось 739 воинских чинов I-го Армейского корпуса и около 300 гражданских беженцев (в основном, выходцев с Дона) [8].

Население лагеря первоначально располагалось в нескольких деревянных бараках, число которых было недостаточным для нормального проживания. В бараке вместимостью не более 150 чел. (при нормальных условиях) набивалось по 800-1000 казаков [9]. Постепенно освоившись, большинство казаков начало рыть себе землянки, которые были более удобными, а, главное, теплыми по сравнению с бараками. Если в отношении снабжения продовольствием у санджактепцев особых проблем не было, благодаря узкоколейке, соединявшей лагерь со станцией Хадем-Киой, то проблема с водой и топливом стояла перед ними все время пребывания их в лагере. Ближайший источник воды находился в 1,5 км, а лес – в 5-6 км от лагеря. Основным занятием населения Санджак-Тепе было снабжение лагеря водой и дровами. Помимо этого некоторые казаки занимались охотой, которая была довольно удачной, благодаря множеству дичи, водившейся на болотах в окрестностях лагеря. Часть казаков занималась рыболовством на озере Деркос, находившемся в 5-6 км от Санджак-Тепе [10].

Второй по численности населения лагерь – Чилингир – был расположен в 85 км от Константинополя. К 26 ноября 1920 г. в нем находилось 8 267 чел., из которых более 6,5 тыс. являлись строевыми казаками Донского корпуса и около 1,5 тыс. – донскими гражданскими беженцами. Первоначально казаки размещались в старых овчарнях. Вследствие невыносимых условий проживания большинство казаков перешли жить в вырытые ими же землянки. Несколько казачьих семей приютили у себя жители (турки, греки) деревушки Чилингир. Плохое питание, тяжелые жилищные и антисанитарные условия привели к развитию простудных заболеваний и малярии. В декабре 1920 г. в Чилингире разразилась эпидемия холеры, во время которой весь лагерь был оцеплен двойным кольцом постов, никого не пропускавших ни в лагерь, ни из лагеря [11].

Население третьего по численности (3 236 чел.) лагеря – Кабакджа – составили казачьи части Донского корпуса (в основном 18-й донской казачий полк) и калмыки Зюнгарского полка. Первоначально поселенные, как и чилингирцы, в овчарнях, они постепенно вырыли себе землянки, расположение которых напоминало небольшой городок с прямыми улицами, переулками и даже бульваром. Из-за перебоев с продовольствием казаки были вынуждены сами добывать себе пищу. Они ходили на заработки в соседние деревушки и на вырученные деньги покупали еду [12].

В наиболее благоприятных условиях находились донцы, разместившимися в лагере Хадем-Киой. Его население составляли штаб Донского корпуса с некоторыми учреждениями и управлениями, конвойная сотня штаба Донского корпуса и корпусный лазарет с 62 лицами персонала и 75 больными. Общая численность населения лагеря равнялась 825 чел. Конвойная сотня размещалась в теплом бараке, лазарет находился в холодном, но сухом двухэтажном каменном амбаре. Его первый этаж занимал персонал, а второй – больные. Учреждения штаба Донского корпуса были расположены в отдельных турецких постройках, которые отдаленно напоминали сараи. Оперативная часть штаба занимала второй этаж турецкой гостиницы. Таким образом, в Хадем-Киой казаки находились в менее суровых жилищных условиях, чем в других лагерях Чаталджи. Но главное преимущество хадем-койцев перед другими лагерями было в том, что довольствие в нем, в отличие от других лагерей, благодаря наличию здесь корпусного интендантства, выдавалось равномерно без задержек. Норма и качество пайка во всех лагерях были одинаковыми. Так как в Хадем-Киой разместились штаб Донского корпуса со своими управлениями и учреждениями и корпусный лазарет, то они, в основном, занимались своим непосредственным делом. Хадем-Киой являлся как бы штаб-квартирой Донского корпуса, административным центром чаталджинского района. Сюда шли доклады из других лагерей и распоряжения от главнокомандующего Русской армии, а отсюда исходили приказы по частям Донского корпуса [13].

21 ноября 1920 г. вышел приказ генерала Врангеля, по которому воинские чины, не получившие штатных назначений, а также все военнослужащие, имевшие категории 3 и 4 разрядов, переводились на беженское положение. Кроме того, многие воинские чины переводились на положение беженцев за антидисциплинарные проступки и поведение, не совместимое с воинским званием. В результате этих мер контингент гражданских беженцев начал быстро расти. С 1 декабря 1920 г. по 3 февраля 1921 г. количество только донских гражданских беженцев выросло почти в два раза (с 6 515 до 12 316 чел.) [14].

Несмотря на все попытки начальства отделить гражданских беженцев от чинов армии, первые вносили в армейскую среду дух дезертирства и непослушания. Особенно это сказалось в Чилингире, где гражданские беженцы уже в первые дни своего пребывания составили около 17% от общего числа населения лагеря. Впоследствии их количество продолжало увеличиваться.

Гражданские беженцы были основными инициаторами и участниками побегов из лагерей. Они бежали в одиночку и целыми группами, увлекая за собой и строевых казаков. Основными направлениями их побегов были Болгария и Греция. Некоторые устремлялись в Румынию, в надежде оттуда перебраться в Россию, но до цели добирались немногие. Одни, посчитавшись, возвращались обратно в лагерь, другие гибли от холода, голода, болезней или от руки бандитов, которых было большое количество после Первой мировой войны.

Трагичные картины бегства предстают перед нами в воспоминаниях очевидцев и участников побегов. Так, по свидетельству одного из них, некоторые казаки, «не выдержав кошмарной обстановки лагерей, бежали из них в Константинополь, в Болгарию, в Грецию и т.д. Бежали в одиночку, бежали большими партиями до сотни человек, без карт, без знания местности и языка, раззутые и раздетые через покрытые снегом Балканы, через греческие пограничные посты, весьма подозрительно относившиеся к русским, считая их союзниками Кемаля, среди чужого турецкого населения, которое готово было убить такого беженца, чтобы пожить бывшим на нем тряпьем ...» [15]. Другие очевидцы тех событий, описывая побег из лагерей, сообщают, что не редки были случаи ограбления и даже убийства беженцев турками, «которые нападают и убивают русских с целью грабежа». В турецких селах мальчишки часто травили беглецов собаками, а проводники заводили их прямо в руки бандитов [16]. Несмотря на все это, побег из лагерей не прекращался. Особенно участились случаи бегства, когда стало известно, что население чаталджинских лагерей должно переселиться на остров Лемнос, который представлялся в глазах казаков чем-то неведомым и страшным.

Помимо случаев дезертирства и не послушания, другим бичом армии в целом и казачьих частей в частности были кража и распродажа казенного имущества. В лагерях появились толкучки, на которых казаки продавали казенное обмундирование, белье и обувь, выданные им ранее или украденные на складах. Учитывая, что толкучки разлагающе действовали на моральный облик казаков, командование Донского корпуса во главе с генералом Абрамовым всеми силами боролось против этого явления. В одном из распоряжений по донским частям приказывалось «всех шатающихся по рынку и улицам Хадем-Киоя казаков и солдат с предметами казенного обмундирования, белья и обуви в руках, арестовывать, а казенные вещи отбирать для передачи действительно неимущим». В другом приказе казакам, находящимся на действительной военной службе (то есть состоящим в Русской армии генерала Врангеля) запрещалось вести всякую торговлю. О

высоком авторитете старших в казачьей среде говорит тот факт, что в борьбе с кражами и спекуляцией генерал Ф.Ф. Абрамов пытался опираться не только на военно-полевой суд, но и на более уважаемых старых казаков: «Я караю военно-полевым судом тех, кто пойман на месте продажи казенного имущества. Но я бессилён бороться с тайной продажей, которую могут прекратить только сами казаки... К вам, отцы, славные честные казаки, обращаюсь я за помощью в борьбе с постыдной продажей казенного обмундирования и белья. Помогите своим отеческим внушением малому, свихнувшемуся с честной дороги казаку. Заставьте его быть таким же честным, как вы. А ежели не слушает слова, то карайте преданием суду» [17].

Других особых происшествий, за исключением бегства, краж, спекуляции и отдельных случаев неповиновения своим командирам, в лагерях не наблюдалось. Среди рядовых казаков было развито занятия ремеслами, что поощрялось командованием Донского корпуса. В одном из приказов генерала Ф.Ф. Абрамова говорилось о необходимости открывать мастерские и прачечные во всех полках и батареях корпуса [18]. О развитии ремесла заботилось не только командование армии. Всероссийским земским союзом в Кабаджке были открыты мастерские – сапожная, столярная, слесарная и портняжная – где казаки чинили обувь, шили одежду, изготовляли посуду и другие вещи, предметы. Иногда в мастерских обучались и работали казаки-офицеры.

Информационным отделением штаба Донского корпуса в лагерях были организованы читальни, школы, где казаки обучались грамоте, и общеобразовательные курсы для офицеров. В читальни из штаба Донского корпуса высылались газеты, брошюры, бюллетени и сводки со сведениями информационного характера. В Кабаджке была устроена библиотека и созданы курсы для изучения иностранного (английского и французского) языка. В Санджак-Тепе казаки организовали струнный оркестр и театр. Был свой театр и в Кабаджке, где играли две труппы – малороссийская и русская. Причем наибольший восторг у зрителей вызывали пьесы, написанные казаками на злободневные лагерные темы. В театр ходили не только казаки, но и французы, и турки из окрестных деревень. Вход был бесплатным. Несколько раз труппа ездила в Чатаджку, где также пользовалась успехом и популярностью [19].

Другим крупным местом расположения казачьих частей являлся остров Лемнос, один из крупнейших островов Эгейского моря. Его малочисленное коренное население (несколько десятков тысяч) состояло в основном из греков. Остров хотя и принадлежал Греции, но находился под покровительством Франции. Здесь в ноябре 1920 г. на полуострове Калоераки (на берегу Мудроского залива) был размещен Кубанский корпус под командованием генерала М.А. Фостикова в количестве не менее 10-12 тыс. чел. Впоследствии к нему присоединились донцы и терцы, которые прибыли на Лемнос в декабре 1920 г. Ввиду того, что ранее прибывшие части Кубанского корпуса разместились на полуострове Калоераки в более лучших жилищных условиях, донские части, терско-астраханский казачий полк и Атаманское военное училище в конце декабря переселились на другую сторону залива, расположившись в двух километрах от г. Мудрос. Отчасти это переселение было связано с необходимостью подготовить место для намечавшегося переселения донцов из Чатаджинского района. Таким образом, к концу 1921 г. на Лемносе было образовано два лагеря: Кубанский на полуострове Калоераки и Донской с терцами и астраханцами в районе г. Мудрос. Вскоре был образован так называемый беженский лагерь. В нем концентрировались лица, вышедшие из состава Русской армии. Численность лагеря гражданских беженцев постепенно росла за счет сокращения количества лиц, оставшихся в военных лагерях. Этому в немалой степени способствовала политика французов, а также та казарменная обстановка, в которой находились казаки воинских частей. Все лагеря были окружены двойным кольцом постов, за которые никто не выпускался без разрешения французских властей, введших запрет на свободное перемещение по острову. Казаки, правда, частенько обходили французские посты и проникали в город и близлежащие деревни.

Жизнь на Лемносе мало чем отличалась от жизни в других лагерях. Холод, перебои со снабжением, болезни были постоянными спутниками казаков в течение первых месяцев пребывания на острове. Кроме того, некоторая оторванность от остальных частей Русской армии, недостаток достоверной информации о положении в России и за рубежом делали жизнь на острове еще более невыносимой. По одним сведениям русских газет на Лемносе не было. Издавался только «Информационный листок Донского лагеря на о. Лемносе» (в 10 экземплярах), который организовал бывший редактор газеты «Сполох» Куницын. Он переводил французские газеты и наиболее интересные сообщения печатал в «Листке», который пользовался у казаков большой популярностью [20]. Из других источников видно, что на Лемносе получали различные русские эмигрантские издания: «Общее дело», «Руль» и «Последние новости» [21]. В целом жизнь на острове вследствие некоторой изоляции была еще более унылая и однообразная, чем в чатаджин-

ских лагерях.

Небольшое разнообразие в жизнь Кубанского корпуса в конце 1920 г. внесли выборы Кубанского войскового атамана. В выборах приняли участие члены Кубанской краевой рады и выборные от войсковых частей. После ожесточенных споров в декабре 1920 г. на пост атамана Кубанского казачьего войска вместо сложившего с себя полномочия генерала Н.А. Букретьова был избран генерал-майор В.Г. Науменко, находившийся в это время в Югославии. Не исключено, что на результаты выборов в немалой степени оказал влияние командир Кубанского казачьего корпуса генерал М.А. Фостиков.

Начало 1921 г. характеризуется двумя крупными событиями, происшедшими в жизни заграничной части южно-российского казачества. Это – создание Объединенного Совета Дона, Кубани и Терека (ОСДКТ) и принятие решения о перевозке на Лемнос частей Донского корпуса.

14 января 1921 г. в Константинополе было заключено соглашение между войсковыми атаманами и председателями правительств Дона, Кубани и Терека об объединении своих действий в эмиграции. В тексте соглашения, в частности, говорилось, что «Дон, Кубань и Терек, сохраняя неприкосновенными свои конституции, по вопросам внешних сношений, военным, финансово-экономическим и общеполитическим действуют объединенно. Впредь до возвращения в свои края заботы об устройстве беженцев составляют также предмет объединенных действий» [22]. По данному соглашению в состав ОСДКТ вошли войсковые атаманы – генерал-лейтенант А.П. Богаевский (донской), генерал-майор В.Г. Науменко (кубанский), генерал-лейтенант Г.А. Вдовенко (терский) и председатели правительств: Дона – генерал-майор В.А. Апостолов, Кубани – Д.Е. Скобцов и Терека – Е.А. Букановский. Все сношения, исходящие от ОСДКТ, согласно заключенному соглашению, должны были производиться одним из атаманов по уполномочию Совета. Им был избран атаман ВВД А.П. Богаевский.

Рассматривая события января 1921 г., можно сказать, что в жизни южнороссийского казачества (его зарубежной части) произошло не только политическое объединение, но и в какой-то мере территориальное. Именно в начале января выходит приказ о переводе на Лемнос, где уже находились Кубанский корпус и часть донцов и терцев, частей, расположенных в чатаджинском районе [23].

Перевозка казаков велась в течение почти трех месяцев. Но основные части Донского корпуса выехали в середине января 1921 г., когда на остров были переведены почти 4,5 тыс. казаков из лагеря Санджак-Тепе, с некоторым количеством казаков других лагерей, и в конце марта того же года, когда на Лемнос были вывезены почти все части Донского корпуса и донские беженцы, проживавшие в чатаджинском районе. Только в Кабакдже остались 18-й донской казачий полк, Зюнгарский калмыцкий полк и часть технического батальона.

Переезд на Лемнос не обошелся без некоторых эксцессов. В глазах казаков остров был тюрьмой, откуда нельзя убежать. Еще задолго до переезда в казачью среду усиленно проникали самые невероятные слухи о Лемносе. В дневнике полковника платовского полка можно увидеть следующие строки: «О Лемносе говорят различно – и хорошо, и плохо. Плохие сведения осилили хорошие. Из «достоверных» источников узнали, что на Лемносе совсем нет воды, топлива тоже: кругом голый камень, множество скорпионов, фаланг и прочей гадости. И течение умов создалось одно: лучше умереть от руки турка, чем добровольно соглашаться на верную, постепенную смерть, на необитаемом клочке земли, окруженном бурным морем» [24]. В связи с подготовкой перевозки на остров в чатаджинских лагерях увеличился поток дезертиров. Лемнос пугал и настораживал. Чем ближе приближался день отправки, тем сильнее росло напряжение. Во время одной из первых отправок это напряжение в Санджак-Тепе вылилось в открытое столкновение между казаками, не пожелавшими ехать на остров, и французами, пытавшимися всеми мерами принудить их к этому. В результате стычки появились раненые и с той, и с другой стороны. В эту же ночь в Болгарию, в полном составе, с офицерами, ушли две сотни калединского полка. Кроме того, некоторые казаки покинули лагерь в одиночном порядке. Событиям, происшедшим в Санджак-Тепе, предшествовали выступления некоторых старших офицеров, которые, исходя из того, что на острове армейские части перестанут быть той силой, которую они представляют в 50 км от Константинополя, агитировали казаков выступить против переезда на Лемнос. Исходя из этого, вполне можно согласиться с одним из участников тех событий, который считал, что «инцидент 13 января был результатом игры начальников санджакского лагеря в политику. Но эта истинная причина была так задумана, что истинными виновниками стали считать французов, большевистских агентов и глупые басни о Лемносе. Это затемнение истинной причины вошло и в официальные документы» [25]. И действительно, всю вину за случившееся в Санджак-Тепе генерал П.Н. Вран-

гель возложил на французов, которые якобы своими грубыми действиями спровоцировали казаков. По мнению донского атамана А.П. Богаевского, всему виной темнота и невежество казаков, которые, «поверив глупым басням об острове и поддавшись бесчестной агитации не без участия по-видимому и агентов большевиков, отказались от посадки и даже оказали вооруженное сопротивление французским войскам» [26].

Для поощрения переезда на остров в одном из распоряжений по Донскому корпусу говорилось, что всем казакам, прибывшим на Лемнос будут выданы обувь, обмундирование и белье. В другом приказе сообщалось, что «выдача продовольствия для лагерей будет производиться только на число людей, которое должно быть в лагере; все назначенные к погрузке, но почему-либо не погрузившиеся исключаются с довольствия, так как довольствие на них заготовлено на пароходе и на о. Лемносе. Поэтому всякий уклонившийся от погрузки лишается продовольствия в лагере» [27]. Благодаря предпринятым мерам и, видя безнадежность сопротивления, оставшиеся в Санджак-Тепе части Донского корпуса вместе с частями других лагерей чаталджинского района постепенно, в несколько этапов, были переведены на Лемнос, где присоединились к своим товарищам по оружию. Таким образом, произошло некоторое воссоединение наиболее организованной части южно-российского казачества, а именно, казаков, числящихся в составе Русской армии. Помимо строевых казачьих частей на остров была перевезена и часть беженцев. Донцы, переехавшие из чаталджинского района на Лемнос, разместились в Мудросском лагере. Все казачьи части на острове были объединены в Лемносскую группу войск Русской армии под командованием командира Донского корпуса генерала Ф.Ф. Абрамова.

Самым тяжелым периодом в жизни казаков на Лемносе была зима. Холодные дожди, мокрый снег, сильный ветер, нерегулярная выдача пайка, отвратительные жилищные условия – все это делало жизнь казаков на острове полной забот и лишений. В отличие от чаталджинских лагерей, где казаки размещались, главным образом, в бараках и землянках, на Лемносе были сразу же поставлены палатки. Только штаб Кубанского корпуса располагался в двух деревянных домиках. Палатки были окружены небольшими ровиками для стока воды. Эти ровики выходили в большие каналы, протянувшиеся через весь палаточный лагерь. Однако в результате ливневого характера дождей многие палатки промокали, а канавки не вмещали в себя всю накапливавшуюся воду. Учитывая опыт чаталджинских лагерей, на острове с первых же дней были приняты две важные меры. Во-первых, гражданские беженцы сразу были отделены от воинских чинов и проживали в особом беженском лагере. Эта изоляция способствовала поддержанию среди строевых чинов порядка и дисциплины. Во-вторых, было обращено особое внимание на санитарные условия проживания и приняты соответствующие общегигиенические меры. В частности, на Лемносе в каждом лагере были отведены специальные места под уборные, которые «представляли собой длинные домики с асфальтовыми полами, железными крышами, деревянными стенками и выносными суднами. Ежедневно по утрам из выносных судов все содержимое выбрасывалось в бачки, и на мулах вывозилось в баржи на пристани» [28]. Благодаря всему этому, несмотря на тяжелые условия жизни, на Лемносе не было эпидемий, которые охватили беженские лагеря, расположенные в окрестностях Константинополя. Казаки в зимний период времени болели в основном простудными заболеваниями. С наступлением лета наиболее распространенными среди них стали желудочно-кишечные расстройства. Это было связано в первую очередь с недоброкачественной пищей: французы в качестве пайка зачастую выдавали бракованные консервы, которые к тому же во время транспортировки, хранения и раздачи находились еще некоторое время под жгучими лучами солнца, что не могло не сказаться на их качестве.

Для усиления внутренней дисциплины в начале марта во всех частях Лемнонской группы было приказано приступить к строевым занятиям. Устав от вынужденного безделья, многие казаки с охотой занимались строевой и физической подготовкой. Однако находились и такие, которые выступали против армейской муштры. Обычно они сами переходили в беженский лагерь или их переводили туда за внесение духа разложения в армейские части. Армия продолжала существовать по своим законам. В марте 1921 г. состоялся выпуск юнкеров, окончивших Атаманское военное училище. Сто юнкеров были произведены в хорунжии, двое – в сотники и один – в губернские секретари [29]. Кроме того, из рапорта начальника Атаманского военного училища видно, что «многие юнкера ... училища с незаконченным средним образованием выразили желание прослушать лекции по предметам, проходившимся в старших классах средне-учебных заведений, сдать по ним экзамены и получить аттестат зрелости о полном и законченном среднем образовании» [30]. Данный вопрос был одобрен начальством и с 20 августа 1921 г. юнкера приступили к занятиям, временно прервавшимся 29 августа в связи с выездом с острова. Летом на Лемносе появился кинематограф, который скрашивал жизнь казаков на острове. Другим развлечением казаков были

футбольные матчи, проводившиеся между юнкерами Атаманского (донского) и Алексеевского (кубанского) военных училищ. Иногда казаки играли с англичанами и французами, находившимися на острове по делам службы.

Рассматривая первый год жизни уроженцев Дона и Кубани в эмиграции, нельзя не отметить гуманитарную помощь, оказывавшуюся эмигрантам различными благотворительными организациями и, в первую очередь, Красным Крестом. В частности, на Лемносе многие казаки с благодарностью принимали ту поддержку (что очень важно – материальную), которую им оказывал Красный Крест САСШ. Представитель американского Красного Креста появился на острове в конце 1920-начале 1921 г. С первых же дней он развил бурную деятельность. Им было взято шефство над двумя лазаретами на 800 человек и детским общежитием на 100 мест. Все больные и дети были снабжены постельным и нижним (нательным) бельем. Тяжелобольным выдавалось вино и варенье, а ослабленным и детям какао, сахар и другие продукты. Не был забыт и обслуживающий персонал данных учреждений, которому были выданы обувь и одежда. Позже американский Красный Крест организовал выдачу дополнительного пайка женщинам и детям. На неделю выдавалось 2 банки молока, 2 банки мясных консервов, 2 банки сардин, какао, сухие овощи и мука на взрослую женщину. Дети получали половину этого пайка. При недостаточном и нерегулярном питании это было довольно значительной помощью. Кроме того, американский Красный Крест выделил палатки и инструменты, с помощью которых Земский союз открыл на Лемносе читальню и мастерские: сапожные, швейные, жестяные, слесарно-плотнические и кузнечные. С наступлением весны на берегу моря был создан санаторий (на 40 коек) для легочных больных. Американский Красный Крест поставил ему два полностью оборудованных медицинских кабинета, различные медицинские инструменты, а также скатерти, столовые приборы, салфетки и т.п. Помимо этого, Красный Крест САСШ взял на себя обеспечение питания пациентов санатория, которым выдавалось кроме всего прочего какао, молоко, яйца и варенье. Зимой практически все казаки получили по одному одеялу, а весной представитель американского Красного Креста выдал каждому по парусиновому костюму, фланелевой рубашке, три пары носок, два полотенца и два куса мыла [31]. Правда, из источника, дающего эти сведения, не совсем ясно: выдавалось белье и одеяла всем казакам на Лемносе или только тем, которые находились на положении гражданских беженцев в беженском лагере.

Несмотря на оказываемую гуманитарную помощь и небольшие развлечения (купание в море, рыбалка, просмотр фильмов, футбол и т.п.), жизнь на острове становилась для казаков с каждым днем все более и более тягостной. На Лемносе, как и в чаталджинских лагерях, наблюдался выход части казаков из состава своих частей и переход их на положение гражданских беженцев. Беженцы жили отдельным лагерем. Получая довольствие непосредственно от французов, они фактически подпадали под их влияние. Желание перейти на беженское положение встречало недовольство со стороны начальствующего (командного) состава строевых частей. В то же время насильственный перевод на беженское положение за различные проступки озлоблял лиц, переведенных в беженский лагерь. Все это способствовало тому, что среди некоторых обитателей лагерей наблюдалось враждебное отношение друг к другу. Так, казаки, оставшиеся в составе Русской армии, обвиняли перешедших на беженское положение в трусости, малодушии и измене делу освобождения родных краев. В свою очередь, гражданские беженцы высмеивали сохранившиеся в строевых частях войсковые порядки, муштру, дисциплину и чинопочитание [32]. Такое противостояние лагерей не было всеобщим. Зачастую казаки, перешедшие на беженское положение, поддерживали связи со своими бывшими сослуживцами. Наблюдалось и стремление некоторых лиц опять встать в строй (правда, это было исключительно редким явлением).

Гнетущее впечатление произвел на казаков приказ командующего французскими войсками генерала Бруссо от 25 марта 1921 г., который был объявлен по всем частям. В нем, в частности, говорилось, что правительство Франции решило прекратить в кратчайший срок кредит на содержание русских беженцев. Казакам предлагалось выбрать дальнейшие способы своего существования: первый – возвратиться в Советскую Россию, второй – выехать в Бразилию на земледельческие работы и третий – самим обеспечить свое содержание [33]. Этот приказ находился в русле всей французской политики по отношению к эмигрантам из России, целью которой являлось как можно более быстрое рассредоточение огромной беженской массы, прибывшей из Крыма, и определение ее в различных странах на постоянное местожительство. Французы исходили, прежде всего, из накладности для себя содержать стопятидесяти тысячную армию беженцев и того факта, что, оставшись без субсидий на содержание, Русская армия, сконцентрированная в одном месте, может представить большую угрозу на Балканах. В то же время, исходя из этой опасности и боясь анархии, французы были заинтересованы в том, чтобы русское командование сохранило

известный авторитет для помощи французам в поддержании порядка и дисциплины.

Видя, что французское правительство заинтересовано не только в рассредоточении гражданских беженцев, но и в распылении армии, генерал П.Н. Врангель заявил: «Я ушел из Крыма с твердой надеждой, что мы не вынуждены будем протягивать руку за подаянием, а получим помощь от Франции как должное, за кровь, пролитую в войне, за нашу стойкость и верность общему делу спасения Европы. Правительство Франции, однако, приняло другое решение. Я не могу не считаться с этим и принимаю все меры, чтобы перевести наши войска в славянские земли, где они встретят братский прием» [34].

Но если генерал Врангель и его окружение заботилось в первую очередь о переселении на Балканы непосредственно действующей Русской Армии, то войсковые атаманы А.П. Богаевский и В.Г. Науменко и войсковые казаки правительства принимали все меры, чтобы обеспечить более-менее нормальное существование всем казакам, и в том числе из числа гражданских беженцев, которые, хотя и вышли из состава Русской армии, но возвращаться в Россию в качестве репатриантов были не намерены. Уже в первые дни после эвакуации из Крыма представители казачества в лице войсковых атаманов и войсковых правительств предприняли определенные попытки в деле «размещения беженского вопроса, путем расселения казаков в страны, где они могли бы существовать самостоятельно собственным трудом». В частности, А.П. Богаевский в конце ноября 1920 г. обратился к представителям Франции, Сербии и Соединенных Штатов с просьбой «о приеме указанными странами казаков, как рабочей силы» [35]. О беженцах и их перевозке заботились и другие эмигрантские организации и, в частности, ОСХС.

Однако только к весне 1921 г. усилия генерала П.Н. Врангеля, его окружения и войсковых атаманов по вывозу казачьих частей и гражданских беженцев с Лемноса и чаталджинского района в страны Балканского полуострова увенчались успехом. С мая по сентябрь 1921 г. с острова было вывезено в Болгарию и Сербию более 11 тысяч казаков, перешедших на положение гражданских беженцев. Интересен тот факт, что кубанские части (кубанский корпус к этому времени был переформирован в дивизию) выводились в основном в Сербию, в то время как большинство донцов попало в Болгарию. Так, из 5 627 кубанцев в Сербию было отправлено более 4 тыс., в то время как из 5,5 тыс. чинов Донского корпуса около 5 тыс. оказались в Болгарии [36]. О тяготах жизни на Лемносе говорят два кладбища казаков, оставшихся навечно на острове. Только на одном кладбище на полуострове Калоераки со времени эвакуации из Новороссийска по 4 сентября 1921 г. было похоронено около 300 чел. [37]. В основном это старики и дети. Но умирали и взрослые казаки, не вынесшие всех тягот, обрушившихся на них.

Из казачьих частей, оставшихся в Чаталджинском районе (их основу составил 18-й Донской казачий полк), около тысячи человек были отправлены в Чехословакию. Остальные казаки вместе с гражданскими беженцами в начале декабря 1921 г. были переведены в Галлиполи. Таким образом, к началу зимы 1921-1922 гг. почти все строевые казачьи части, вывезенные из Крыма, нашли приют в славянских странах.

Расселение гражданских беженцев-казаков проследить гораздо труднее, так как в большинстве своем они учитывались в общей массе русских беженцев, и отдельных статистических сведений по ним нет, за исключением той их части, которая находилась со строевыми казаками в чаталджинских лагерях и на Лемносе. Гражданские беженцы-казаки были размещены в районе Константинополя в одних лагерях с беженцами из неказачьих областей России или направлены в Болгарию, Сербию, Румынию и Грецию прямо с константинопольского рейда.

Были и другие пути выхода казаков за границу. В частности в Германии находились казаки из числа военнопленных первой мировой войны, не пожелавшие или не сумевшие по ее окончании выехать в Россию. Еще около 500 донцов были интернированы в Германию в ходе советско-польской войны [38]. Часть донцов и кубанцев оказались в Польше. Попав в плен под Новороссийском, они в составе Красной Армии были направлены на советско-польский фронт, откуда целыми частями и в одиночку уходили в Польшу. Всего в польских лагерях для военнопленных и интернированных находились около 4 тыс. казаков [39]. Несколько десятков казаков (в основном, донцы) ушли в Финляндию, Эстонию и Латвию после разгрома армии генерала Н.Н. Юденича [40]. В Финляндию ушли и часть кубанских казаков, брошенных на подавление Кронштадтского восстания, и перешедшие на сторону восставших [41]. Некоторые казаки были вывезены еще в начале 1920 г. из черноморских портов Кавказа в основном на Балканы, а Донской кадетский корпус имени императора Александра III в количестве около 500 чел. (в основном дети) эвакуировался в феврале 1920 г. из Новороссийска в Египет [42].

Многие казаки-эмигранты первоначально находились в военных лагерях или лагерях для интернированных лиц. Будь то Тухолка (Польша), Форт Ино (Финляндия), Калоераки (Греция), Ка-

бакджа (Турция) – все эти лагеря объединяла бытовая неустроенность, плохое питание и ограничение в передвижении за их пределы. Впоследствии во многих странах казаки покидали их и переходили на самостоятельное существование. Но и уходя на «собственные хлеба», они старались не терять связи друг с другом. Та часть казачества, которая осталась в рядах своих воинских подразделений, даже после перехода их на беженское положение, старалась найти такую работу, где могли бы работать все воинские чины данной части. В составе своих частей казаки работали в Югославии на прокладке шоссейных и железных дорог, строительстве мостов, в Болгарии – на угольных шахтах. Отдельные казачьи подразделения в полном своем составе устраивались на заводы и фабрики во Франции. Жить пытались компактно. Питание во многих частях было «котловое» (общее, с одного котла). На довольствии стояли не только воинские чины, но и их жены и дети. При частях создавались кассы взаимопомощи. Кроме того, более 300 кубанцев, разместившихся в Югославии, несли пограничную службу на границе с Албанией. За годы гражданской войны и эмиграции многие казаки настолько сблизились со своей частью и сослуживцами, что, даже покинув по каким-либо причинам подразделение, старались по мере возможности поддерживать с ними хоть какую-нибудь связь.

Не теряли контакты между собой и казаки, порвавшие с армией. Бывшие станичники, однополчане вели переписку. В местах компактного проживания казаки создавали станицы и хутора, которые способствовали их общению, взаимопомощи и сохранению казачьих обычаев, обрядов и культуры вдалеке от своей родины.

Со временем казаки расселились по всей Европе, а некоторые даже выехали за ее пределы. Но, где бы ни были казаки, они везде пытались сохранить свои традиции и свою культуру.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). ГАРФ. Ф. 6689. Оп. 1. Д. 6. Л. 4.
2. ГАРФ. Ф. 6689. Оп. 1. Д. 17. Л. 14, 26.
3. ГАРФ. Ф. 6689. Оп. 1. Д. 9. Л. 11.
4. ГАРФ. Ф. 6461. Оп. 1. Д. 274. Л. 2.
5. ГАРФ. Ф. 6899. Оп. 1. Д. 11. Л. 110.
6. ГАРФ. Ф. 6269. Оп. 1. Д. 40. Л. 38.
7. ГАРФ. Ф. 6899. Оп. 1. Д. 9. Л. 36.
8. Казаки в Чаталдже и на Лемносе в 1920 – 1921 гг. Белград, 1924.
9. ГАРФ. Ф. 5935. Оп. 1. Д. 44. Л. 2.
10. Казаки в Чаталдже и на Лемносе в 1920 – 1921 гг. Белград, 1924.
11. Казаки в Чаталдже и на Лемносе в 1920 – 1921 гг. Белград, 1924.
12. Казаки в Чаталдже и на Лемносе в 1920 – 1921 гг. Белград, 1924.
13. Казаки в Чаталдже и на Лемносе в 1920 – 1921 гг. Белград, 1924.
14. Отчет о деятельности Донского правительства за границей по 25.09.21. Константинополь, 1921.
15. ГАРФ. Ф. 5768. Оп. 1. Д. 6. Л. 5.
16. ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 273. Л. 10, 12.
17. ГАРФ. Ф. 6711. Оп. 3. Д. 75. Л. 1.
18. ГАРФ. Ф. 6711. Оп. 3. Д. 75. Л. 1-2.
19. Казаки в Чаталдже и на Лемносе в 1920 – 1921 гг. Белград, 1924.
20. Казаки в Чаталдже и на Лемносе в 1920 – 1921 гг. Белград, 1924.
21. ГАРФ. Ф. 5935. Оп. 1. Д. 21. Л. 29.
22. ГАРФ. Ф. 6461. Оп. 1. Д. 274. Л. 2.
23. ГАРФ. Ф. 6711. Оп. 3. Д. 75. Л. 2-3.
24. ГАРФ. Ф. 5935. Оп. 1. Д. 15. Л. 37–38.
25. ГАРФ. Ф. 5935. Оп. 1. Д. 15. Л. 47–48.
26. ГАРФ. Ф. 5935. Оп. 1. Д. 15. Л. 48–49.
27. ГАРФ. Ф. 6711. Оп. 3. Д. 75. Л. 3а.
28. ГАРФ. Ф. 5935. Оп. 1. Д. 16. Л. 42; Д. 17. Л. 2.
29. ГАРФ. Ф. 6899. Оп. 1. Д. 12. Л. 53–54.
30. ГАРФ. Ф. 6899. Оп. 1. Д. 9. Л. 99.
31. ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 551. Л. 38–40.
32. ГАРФ. Ф. 5935. Оп. 1. Д. 21. Л. 67.
33. Казаки в Чаталдже и на Лемносе в 1920 – 1921 гг. Белград, 1924.
34. Назаров М. Миссия русской эмиграции. Ставрополь, 1992.
35. ГАРФ. Ф. 5768. Оп. 1. Д. 6. Л. 6-6а.
36. Казаки в Чаталдже и на Лемносе в 1920 – 1921 гг. Белград, 1924.
37. ГАРФ. Ф. 6899. Д. 20. Л. 67–71.
38. Падалкин А. Сколько донских казаков в эмиграции? // Станица. Париж, 1935. № 16.
39. ГАРФ. Ф. 6461. Оп. 1. Д. 226. Л. 23.
40. Падалкин А. Сколько донских казаков в эмиграции? // Станица. Париж, 1935. № 16.
41. Солодухин Г. Жизнь и судьба одного казака. Нью-Йорк, 1962.
42. Отчет о деятельности Донского правительства за границей по 25.09.21. Константинополь, 1921.